

Ф.В. ШЕЛОВ-КОВЕДЯЕВ

Об императивах внешней политики (К философии выхода России из кризиса)*

История свидетельствует: никогда доминирующие планетарные процессы долго не направлялись из монопольного центра. Проблемы, возникшие в последнее время у США, подтверждают, что единоличное лидерство быстро рушится. Но тот же глобальный кризис, если его правильно пережить, открывает шансы не только Китаю. Он создает условия для превращения России в одного из ведущих мировых игроков. Политика достижения такой цели должна исходить из нескольких констатаций.

Во-первых, выдвинутая П. Хаасом концепция саморегулирующейся системы “беспольного мира” оказалась несостоятельна даже в относительно компактном сегменте мировых финансов, не потому что якобы обанкротилась и ее материнская либеральная теория саморегулирующегося рынка. Даже если ничего не делать, нынешний кризис когда-нибудь заставит рынки нащупать новый баланс. Развитые экономики идут на нелиберальные меры, поскольку их пугает катастрофичная для них цена и неясный временной горизонт такого саморегулирования.

Во-вторых, подобно тому, как в Европе дела всегда идут хорошо, когда Россия, Германия и Франция выступают сообща, в мире все складывается удачно, когда Россия и США действуют солидарно, подтягивая своих сателлитов. Это доказано практикой разоружения, урегулирования на Ближнем Востоке, борьбы с терроризмом и пиратством, сдерживания Ирана, противодействия распространению оружия массового уничтожения на Корейском полуострове и т.д. Когда американцы и русские работают вразнобой, все вязнут в тяжелых проблемах: достаточно примеров Косова, Грузии, Ирака, Венесуэлы, Украины.

В-третьих, выдвинутая Россией концепция восстановления в мире порядка через установление в нем режима коллективного лидерства, станет эффективной, если будет основана на сложной геометрии взаимопересекающихся союзов с уравновешенным участием в них основных акторов, включая Россию и США. В-четвертых, по-прежнему важнейшее условие реализации этой задачи – снятие явных и замаскированных угроз, исходящих от Китая. Из настроенных на гегемонию и способных быстро ее добиться игроков, только ему одному “ульевая” модель его цивилизации позволяет жертвовать ради достижения цели сотнями миллионов жизней своих граждан. Это дает Китаю уникальные преимущества: в любом случае выигрывая от разразившегося кризиса, пренебрегая своими социальными ограничениями и имея огромный челове-

* Статья написана при поддержке Российского государственного научного фонда (грант № 09-03-00700 а/р).

Шелов-Коведяев Федор Вадимович – профессор кафедры мировой политики факультета мировой экономики и мировой политики Государственного университета – Высшей школы экономики; в 1991–1992 гг. – первый заместитель министра иностранных дел Российской Федерации.

ческий ресурс, он презирает интересы других наций. Все это выводит на первый план ответ на вопрос: какой же, все-таки, кризис переживает мир?

Природа мирового кризиса

В последнее время вновь активизировался, казалось, уже ушедший в прошлое облегченно-марксистский взгляд на последние полтора столетия как на арену конфликтов нескольких бизнес-групп (промышленных монополий, финансовых кланов, банковских империй и т.п.), якобы располагающих необходимым и достаточным ресурсом для манипулирования международными процессами исключительно в своих частных эгоистических целях и использующих национальные интересы, политические идеалы и общественные институты, правительства и народы в качестве инструментов прикрытия своих устремлений. Вполне естественно, что очередная редакция конспирологической версии истории была вброшена находящимися на покое представителями разведывательного сообщества, по роду своей деятельности склонного преувеличивать действенность тотального контроля над происходящим. То, что они некогда сами участвовали в некоторых удавшихся локальных спецоперациях (см., например, [Перкинс, 2007]), придает вес их экстраполяциям. Особенно, если потребитель тоже вышел из спецслужб или тесно с ними связан. Отсюда и вал разнообразных суждений о том, что кризис в Россию импортирован и т.д.

Если не брать эти заблуждения на веру, а попытаться добраться до их сути, можно увидеть, что они растут из ложной интерпретации реальных событий. Эволюция капитализма, начиная с 1850-х гг., показывает череду кризисов, из которых лидирующие игроки всякий раз выходили, активно используя в том числе и внешние источники элиминирования возникших проблем. В ходе их разрешения могли возникать не только столкновения акторов, но и их временные договоренности и коалиции. Однако видеть в них осуществление некоего долгосрочного систематического плана абсолютно неуместно.

Во многом случайный, зависящий от ползучей эмпирики, нерегулярный поиск оптимальных моделей преодоления текущих и недопущения в будущем новых кризисных явлений неоднократно прерывался войнами. Они, как и попытки управлять кризисом в межвоенные периоды и обезопасить себя от него в дальнейшем, неизменно имели оппортунистический характер, то есть, смягчали наиболее тяжелые поверхностные противоречия, не касаясь фундаментальных причин, их породивших и обостривших. Теории же, покушавшиеся предложить какие-либо стратегии, всегда опрокидывались действительностью. Как это только что случилось с эмиссионно-долговым типом экономики, исходившим из некоторых теоретико-математических посылок его функционирования.

Если вернуться к сопровождающим рыночные отношения генетически присущим им периодическим осложнениям, давшим основания для различного рода циклических гипотез, то можно, с необходимыми для простоты изложения обобщениями и упрощениями, не уходя слишком далеко, заметить, что напряжения второй четверти XIX в., вылившиеся в две серии европейских революций, продолжились и во второй половине столетия и привели, в частности, к Крымской кампании, а в конечном итоге – и к Франко-прусской войне и Парижской коммуне. Поскольку все эти потрясения не повлекли за собой кардинальных изменений доминирующего экономического порядка, то заложенные в нем, как и в любом другом, специфические недостатки спровоцировали не только хорошо нам в России знакомые волнения 1904–1907 гг., но и менее известный у нас кризис 1907 г. в США.

Эти события, в свою очередь, оказали глубокое воздействие на всю Европу, которая, не справившись с накрывшим ее валом разногласий, скатилась в Первую мировую войну, из которой наше отечество вышло через государственный переворот и радикальный слом тысячелетней традиции к директивно-распределительной экономике. Но мир катастрофа начала XX в. мало чему научила. Накопившиеся нестыковки эко-

номической системы капитализма, не только не были сняты, их даже не удалось “обогнуть”, а лишь на время “отодвинуть” их в сторону (или загнать их вглубь). Поэтому закономерным продолжением событий (с интермедией общеевропейского кризиса 1920–1930-х гг., куда укладываются и сталинские эксперименты, и Великая депрессия в США), а не полностью автономной драмой стала Вторая мировая война.

Продолжив эту логику, придется сделать вывод, что и трагедия 1939–1945 гг. не привела к поиску качественно иных принципов мироустройства. Затем последовала вереница социальных катаклизмов, сменявших друг друга с конца 1940-х до конца 1960-х гг., серьезный кризис 1971–1975 гг. В свою очередь, отказ от даже формальной привязки (какой была Бреттон-Вудская система) мировых финансов к золотому стандарту стал продолжением той же порочной практики самоустранения от поисков выхода из ситуации, чреватой нарастающими сложностями. Пока она, вслед за рядом встрясок разной степени интенсивности в различных регионах мира в 1990-е гг., не закончилась системным глобальным обвалом (ср. [Пролегомены... 2009]).

Уклоняясь от решения вопросов по существу (чем политика и бизнес развитых экономик и демократий не хотят заниматься и теперь), в ходе и после каждого тектонического сдвига капитализм расширял свой потребительский рынок. В силу естественных причин больше всего при этом выигрывали лидеры международных экономических отношений. Ведь благодаря своему положению и надежной репутации, они могли мобилизовать ресурсы иных участников событий и извлечь из них максимальную для себя пользу [Вьюгин, 2009].

Сначала (в последние 150 лет) это была Великобритания, потом США, особенно показательные в этом отношении. Даже во время Великой депрессии миллионы американцев трудоустроились на высокооплачиваемой работе на стройках социализма в СССР. А в Великую Отечественную войну они получали высокие доходы уже у себя дома на контрактах по лендлизу. Да и вообще, экономика США поднялась в тот период, как на дрожжах, на военных заказах, а затем на плане Маршалла по восстановлению послевоенной Европы.

Благодаря такой фактуре недоброжелатели, забывая древнеримскую мудрость *post hoc non est propter hoc* (после того, но не вследствие того), подозревают форвардов капитализма в злонамеренном и особо циничном зарабатывании на людском горе. Во врожденной способности рынка все обращать себе на пользу болезненная фантазия видит намеренное разжигание войн (ведь те косвенно служат стимулом потребления) буржуазией как таковой, даже если сами “поджигатели” при этом страдают одними из первых.

Сказанное придает особое значение правильной диагностике нынешнего глобального кризиса. Многие его симптомы вполне могут значить, что механическое распространение капитализма достигло своего естественного предела, а это требует, наконец, его принципиальной модернизации. В противном случае нас ждет, в том числе из-за оживления паранойяльных антикапиталистических представлений и настроений, отлочно нам, русским, знакомый социализм без человеческого лица. Ибо человеческое лицо бывает у него, как показывает опыт, только внутри капитализма.

К сожалению, именно адекватной квалификации разворачивающихся событий прежде всего и недостает. Экономисты фатально отстают от стремительно меняющейся обстановки, постоянно опаздывают с распознаванием обрушившихся на нас проблем. Когда уже было ясно, что разразившийся кризис – экономический, его упрямо продолжали называть финансовым. Только когда выступления в Исландии, Франции, Германии, Испании, Греции и Италии придали ему бесспорно социальное измерение, его с трудом признали экономическим. И лишь к середине весны 2009 г. кое-кто стал говорить о социально-гуманитарной угрозе (правда, вопреки очевидности, применительно лишь к Восточной Европе и Центральной Азии) [Роланд, 2009]. Но и это определение, даже в его расширительном применении, уже устарело. Если сложить вместе то, что многими авторитетными специалистами признается по отдельности, станет ясно, что речь идет о *глубинном культурном/цивилизационном кризисе*.

Чтобы *так* формулировать вопрос, оснований предостаточно. Начать можно с теории. Если текущий кризис, согласно общему мнению, отличает системный характер, то полноценной, то есть самодостаточной, системой является только культура, а экономика, за рамками чисто научных построений, – лишь ее не имеющей самодовлеющего значения подсистемой. Конечно, при узком исследовании (и только для него!) при соблюдении всем известных требований, в принципе, любая совокупность может быть *названа* системой. Но такой подход имеет сугубо академическую ценность. Поскольку же человечество интересуют теперь не интеллектуальные упражнения, а возможность победы над системной болезнью, в социальной жизни лишь вселенная культуры безусловно отвечает всем критериям системы. Значит, и кризис является культурным.

Точность общетеоретических соображений подтверждается практикой. Когда О. Вьюгин (МДМ-банк) [Вьюгин, 2009] говорит о кризисе господствующего экономического мировоззрения, представитель консалтинговой группы “Эрнст энд Янг” [Данилин, 2009] – о формационном, а Е. Ясин с М. Снеговой – о тектоническом сдвиге, они используют смысловой ряд не экономики, но культуры, к которой последние [Ясин, Снеговая, 2009] прямо и отсылают.

К культуре апеллируют и ведущие политики – президенты Б. Обама, Д. Медведев, Н. Саркози, канцлер А. Меркель и др., когда рассуждают о вскрывшихся моральных рисках, кризисе доверия, необходимости ужесточить нормы этики поведения на рынке и даже о религии, которая как главный источник ценностей должна сыграть ключевую роль в контроле над направленностью основных реформ, необходимых капитализму. Ведь очевидно, что доверие, на котором строятся взаимоотношения уже в самых примитивных обществах, старше экономики, а этика ею не производится и, вообще, не есть ее цель. Все эти понятия заимствованы из мира (системы) культуры.

Раз это *культурный кризис*, то *надо понять*, культура *какого типа* его переживает. Это всегда конкретный вопрос. В прошлом культурные кризисы случались не однажды, и это непременно бывали кризисы *какого-то* определенного культурного вида. Нынешний – не исключение. Безусловно, можно сколько угодно укорять Вашингтон в том, что он управлял мировой резервной валютой как национальной. А финансовые власти и банки США в том, что они слишком либерализовали рынок ипотечных кредитов и не контролировали деривативы. И те и другие заставили расплачиваться за своекорыстие как прочие сектора собственной экономики, так и, еще больше, иные страны. Да, дурно жить за чужой счет. Но этой критики явно недостаточно, чтобы понять и объяснить суть происходящего.

Налицо два больших связанных между собою комплекса кризисных явлений современной культуры. **Первый** обнимает различные аспекты постмодернизма как культурной разновидности. Во-первых, довольно давно постмодерн устранил основного референта сначала из обмена культурными объектами, с чего (замещения массовой культурой и “капустником” настоящего искусства), в частности, начался цивилизационный надлом Запада, приведший его к глубоким социальным (разобщенность, недоверие, демографический спад, агрессия) и личностным (гипериндивидуализм, публичное одиночество, психические заболевания) неурядицам. Затем он проделал то же с политикой, что подтверждается распространением не только диктаторских режимов в первой половине XX в. и в настоящее время, но и модных на Западе концепций конца демократии, и игнорированием общественного мнения по важнейшим вопросам национального развития как в России, так и в постсоветских странах – от молодых членов ЕС до Украины и Грузии. Надо отдать должное экономическим субъектам: они дольше всех сопротивлялись постмодернистскому вирусу. Но в конце концов, экономика им заразилась, и он вырос в спусковой механизм ее обрушения. Ибо в схеме обращения фьючерсов есть только формальная привязка к базовой ценности, от которой они произведены. Стало очевидно, что постмодернизм как мировоззрение и стратегия опасен для жизни.

Во-вторых, показала свою несостоятельность идеология “цивилизации средств, а не целей”, которой недавно так гордились западноевропейские интеллектуалы. Вооб-

ще говоря, можно было и раньше догадаться, что это губительная философия, так как она утверждает кладбищенский подход к жизни. Ведь только те, кто лежат в некрополе, не имеют никаких целей, но все они в то же время служат средством кругооборота вещества в природе. Сейчас всем ясно, что сами по себе средства, применяемые не “во имя”, не ради достижения “града на холме”, ведут в тупик. Возвращается понимание того, что без руководства вечными ценностями, без подчинения им идейных и материальных инструментов человечество не выживет.

В-третьих, оказалась непродуктивной цивилизация скорости. После обвала фондовых рынков начали стесняться выдвигать таковую одним из главных достижений информационной и постинформационной экономики. Кроме того, существуют, как минимум, три негативных последствия чрезмерного увлечения быстротой, которым пока уделяется явно недостаточное внимание. Социально наиболее опасна *суэта*, в которой пребывают развитые страны, ибо она убивает нормальное общение между людьми, лишает их необходимого для их успешного развития душевного комфорта и нацеленности на непреходящие ценности. В силу же *ускорения ради стимулирования потребления*, предложения на рынке новых моделей продукции либеральная экономика пришла к тому же результату, что и директивная – падению качества товаров. Поскольку все быстро морально устаревает, теряется смысл производить вещи, чья надежность рассчитана на длительный срок. Падение качества постепенно распространилось на все предложение, включая производство идей и решений, без просчета хотя бы их среднесрочных последствий.

Следующий подводный камень также подстерегает нас на пути *гонки новшеств*. Уже сейчас срок поступления технических новинок в распоряжение массового потребителя, на нашей памяти занимавший годы и десятилетия, сократился до нескольких месяцев. В ближайшей перспективе он вполне может уменьшиться до недель. Когда же дело дойдет до дней (к этому же толкает стремление постоянно оптимизировать прибыль), утратит смысл инновационная деятельность как таковая: новшества будут морально устаревать быстрее, чем ими успеют в полной мере воспользоваться. А это будет крах куда хуже теперешнего.

Второй комплекс охватывает кризис концепций, так или иначе восходящих к марксизму и/или соотносящихся с ним, ибо даже те, кто отвергают прогнозы и практические рекомендации К. Маркса, обычно признают его выдающимся социологом и экономистом. Во-первых, обнаружилась врожденная порочность психологии экономоцентризма, которой весь развитый мир был, пусть и по-разному, захвачен в истекшие 150 лет. Между тем именно Маркс первым возвел экономику в абсолют, превратив обыкновенный инструмент, призванный всего лишь обслуживать интересы общества, в самодостаточную сущность, имеющую якобы императивную власть над человеком. За что ему благодарны до сих пор все, кто апеллируют к химере высших нужд экономики, – занимают ли они ее изучением либо посвящают себя практической политике и бизнесу.

Вообще говоря, это далеко не единственный случай, когда человечество обожеествляет рукотворные произведения, превращая их в своего рода “золотых тельцов”, которых и начинает почитать. Одной из первых форм такого заблуждения были ранние религиозные представления, получившие в науке название фетишизма. В дальнейшем публика творила себе кумира из идеологий, власти и т.д. Так как это неизменно заканчивалось весьма плачевно, на сегодня итог превращения экономики в один из рядовых фетишей надо признать закономерным. Видимо, пришла пора расстаться с очередным идолом и перейти от поклонения заурядному средству к его использованию по прямому назначению: такого же орудия, как и прочие. Не люди должны работать на экономику, а она – на них.

Во-вторых, показала свою несостоятельность следующая из марксизма экономоцентризма экспансия рыночных отношений за их законные границы. Еще А. Смит, и с ним согласны многие выдающиеся умы, определил, что рынок, эффективный в сфере частного интереса, абсолютно неэффективен в области общественного блага.

Хотя из-за кризиса под ударом оказалась почему-то экономика потребления, виновата не она (на удовлетворение спроса любая ее форма ориентируется по определению), но возникшее в результате игнорирования смитовского предупреждения *общество потребления* (ср. его критику [Бодрийар, 2000]).

Оба понятия даже ученые путают настолько часто (см., например, [Афонцев, 2009]), что надо специально подчеркнуть: худо не материальное (экономическое) потребление, а перенос его подходов на то, к чему они неприменимы в принципе (человеческие контакты вообще, искусство и т.п.). То есть, зло представляет собой общество, где узусы потребления подавляют все остальные. Когда люди не более чем потребляют друг друга, у них пропадает настоящая взаимная ответственность. Превращение образования, науки, культуры, медицины в обычные услуги извращает их смысл. Из-за бездумного увлечения ползучим практицизмом в двух первых преобладает угнетающее их рядовое ремесло, третья не воспитывает реципиента, а опускается на его уровень, четвертая откровенно коммерциализируется и забывает о клятве Гиппократата, и т.д.

В-третьих, исчерпал себя, напоследок немало поспособствовал недавнему обострению, механистический подход к регулированию общественных процессов, также берущий начало в социализме позапрошлого столетия. Подобно тому, как аналогичная метода в экономике восходит к утопистам Р. Оуэну и Ш. Фурье (см., например, [Маскин, 2009, с. 12]), так и различные виды социальной инженерии – к еще одному предшественнику марксизма – А. Сен-Симону, чьи ученики – сплошь инженеры из Высшей политехнической школы в Париже – вдохновили Маркса (см. [Шелов-Коведяев, 2005^а; Хайек, 2003, с. 137–223]) на выработку рецептов построения всеобщего счастья. И хотя преобладающие сейчас воззрения во многом отошли от его рекомендаций, сама привычка рассматривать человека и общество как довольно простые агрегаты, ненамного сложнее устроенные, чем обычные машины, осталась неизменной.

В работе правительств, бизнеса, консультантов, экспертов и исследователей разных уровней технологические конструкторы общества стали настолько подменять его подлинный образ, что это дало повод Д. Хорнгрену сформулировать свой крылатый афоризм: “Среди экономистов реальный мир зачастую считается частным случаем” их концептов (цит. по [Уоррен, 1999]). Администраторы и менеджеры привыкли полностью доверять управленческой эффективности искусственных схем, кардинально и тотально пренебрегающих многообразием естественного мира. Эта возведенная в течение второй половины XX в. в абсолют практика не столь невинна, как может показаться на первый взгляд, ибо витальность всем формам жизненной активности обеспечивается, как раз наоборот, их избыточным разнообразием. И кризис это продемонстрировал.

Многократно подтвержденная экспериментально на материале естествознания [Горелов, 2008] и антропологии [Шелов-Коведяев, 2005] обязательность соблюдения постулата неизбежной вариативности оказывается благодаря культуре, составляющей одно неделимое целое с общественной средой, не менее присущей и социуму. Иначе для него неминуемо наступают тяжелые последствия, могущие быстро привести к летальному исходу.

Два уже состоявшихся эмпирических факта – ушедший в прошлое СССР и переживающий на наших глазах самые сложные времена за свою историю ЕС – явно доказывают: регламентация до мелочей и всеобъемлющая стандартизация, необходимые для функционирования механизмов, тормозят нормальное развитие живого организма и могут его убить. Точно так же укоренение в сознании человека механического отношения к самому себе и окружающим постоянно стимулирует в охваченных такими представлениями нациях демографический спад. Коли у общества и человека есть взаимная привычка воспринимать друг друга как машину и ее детали и узлы, то неудивительно, что ее компоненты не размножаются: изделиям это свойство самостоятельно не доступно.

В-четвертых, дискредитирована вульгарная интерпретация концепции рационального выбора (логического продолжения марксизма), огульно распространившая

ее на любых игроков и сегменты рынка. Например, невозможно таким способом описать поведение основного покупателя в системе розничной торговли – женщины, чьи предпочтения не укладываются в прокрустово ложе рациональной мотивации, или смоделировать ситуацию на биржах, периодически подверженных чрезвычайно далеким от разумности паническим настроениям [Шелов-Коведяев, 2005^a]. Проявившаяся с особой остротой в период кризиса волатильность финансовых и фондовых рынков, чья динамика зависит в большей степени от сиюминутного – эмоционального и психического – настроения спекулянтов, чем от реального положения дел в экономике и информации о них, ясно указывает на ограничения применения данной методики в научных и практических целях.

В-пятых, закончилось время марксистской политэкономии. Маркс анализировал экономику, как теперь говорят, классического типа, то есть производства и сбыта физических материальных ценностей. Тем же до сих пор занимались и его последователи и противники. Хотя обстановка принципиально изменилась никак не менее четверти века назад [Гайдар, 2009], все по инерции продолжали работать с новой реальностью по правилам, действительным только для давно ушедшей природы, и это стало одной из причин неожиданности и глубины глобального кризиса.

Политика искусственного подхлестывания роста (потребления) и формирования спекулятивных рынков [Мау, 2009], стартовавшая в США в 1970-е гг., привела к середине 1980-х гг. к возникновению нового типа экономики, которая может быть условно названа эмиссионно-долговой. Кроме ускоренной аккумуляции и неэффективного использования государственного и частного долгового капитала, расширенной эмиссии доллара и разделения бремени накопившегося номинального долга с другими странами [Вьюгин, 2009], она отличается превращением, через систему торгов деривативами, всех товарных рынков – от пшеницы до металлов и нефти – в рынки сугубо финансовые [Гайдар, 2009], сиречь спекулятивные.

Биржи торгуют теперь не реальными объемами продукции с определенными сроками их фактической поставки, но ценными бумагами, выпущенными под них. Последние есть чисто финансовый инструмент, существующий в своем виртуальном мире, поскольку наличие реального товара ни одну из сторон сделки ни на каком из ее этапов не интересует (ср. [Мау, 2009, с. 166]). Отсюда и “пузырь” продовольственного кризиса, возникший на пустом месте несколько лет тому назад и не имевший ничего общего, как выяснилось, с угрозой голода. Этот фантом надувался в интересах биржевых игроков. Товарные биржи стали, таким образом, аналогом фондовых, и торги на них подчиняются логике финансовых спекуляций.

То же произошло и с капитализацией компаний, чьи показатели используются сейчас почти исключительно в спекулятивных целях [Мау, 2009, с. 170]. Эта новая действительность требует своей оценки, для которой не подходит старый инструментарий, если мы не хотим свалиться в уже пройденный Россией “социалистический” экстремизм большевистского толка, где финансовый сектор предстает раковой опухолью на здоровом теле материального производства. Пока не будет проделана эта срочная интеллектуальная работа, не будут найдены адекватные методы лечения невиданной прежде болезни, нельзя будет говорить об устойчивом выходе из кризиса.

К сожалению, до этого еще далеко. К тому же глобальный кризис разворачивается на фоне серьезно отягчающих его течение отраслевых кризисов. Большинство из них (что лишний раз подтверждает общекультурный характер происходящего) не имеет исключительно экономического источника. **Первый** среди них – кризис экономической науки. Самые разные теоретики и практики не могут хотя бы приблизительно определить, когда закончатся текущие потрясения. Ученые не могут сказать о природе кризиса ничего определенного. Все ответы отражают пока лишь их негативное знание: это *не* циклический кризис, *не* обычный кризис перепроизводства, при котором повышение процентной ставки приводит к сжатию денежного предложения, сокращению спроса, снижению цен и, вслед за тем, нового понижения ставки [Гайдар, 2009; Мау, 2009, с. 165; Вьюгин, 2009]. Оптимизма не добавляет и то,

что даже относительно происхождения давних кризисов среди ученых нет согласия [May, 2009, с. 167], что порождает опасения относительно научной состоятельности соответствующих концепций. Нет ясности и в том, как будет развиваться кризис экономики искусственного стимулирования потребления, полностью оторванной от золотого стандарта, с волатильностью и спекулятивностью товарных рынков [Гайдар, 2009].

При том, что все рынки стали, по сути, финансовыми, работающей теории их функционирования нет. Да и лидеры финансового мира, практики, непосредственно вовлеченные в его операции, имели о новых финансовых инструментах весьма слабое представление. Теория долгосрочных экономических циклов, по-видимому, устарела. Теория реальных циклов не имеет практической ценности, современные модели деловых циклов не гарантируют реалистичности представленных в них расчетов и результатов, что делает их чистой игрой ума, что и было блестяще доказано расхождением результатов математических расчетов и настоящих итогов обращения деривативов (см. [Гайдар, 2009; Энтов, 2009^a, с. 30–31, 14, 26, 30–38; May, 2009, с. 171, 166]).

Вторым является психологический кризис. Энтузиазм, вызванный доходностью деривативов и финансового сектора в целом, сменился в западных обществах глубоким пессимизмом. После того, как растаял очередной мираж, многие почему-то стали не работать над своими ошибками, виня себя за склонность к легкому получению высоких доходов, но хоронить капитализм, проклинать алчных банкиров и т.п. Позитивным в данной картине может быть только то, что такая реакция массового сознания и элит развитых стран поможет нам, если мы ее правильно уясним, избавиться от собственного комплекса неполноценности.

Третий, оказывающий глубочайшее воздействие на течение событий кризис – кризис того состояния либеральной экономики, когда ее акторы не осознали угроз ее безальтернативного положения. Будучи лишена необходимости конкурировать за место под солнцем, она, как и любой бы на ее месте, быстро потеряла самоконтроль [May, 2009, с. 170]. Без борьбы за качество ради превосходства над социализмом при расширенном и искусственно стимулируемом росте/потреблении упал не только уровень производимой продукции. Праздник победы Запада оказался прерван потому, что в его гипертрофированной эйфории потерялась базовая для либерализма идея личной ответственности за плоды своей активности (ср., например, [Вьюгин, 2009]).

Утраченная ценность должна быть срочно восстановлена в ситуации, когда с редким и заслуживающим лучшего применения единодушием удары со всех сторон наносятся в самое сердце свободы. И левые, и правые предлагают, в той или иной степени, отказаться от нее. Не понимая, что в бедах виновата не она, а принимавшаяся всеми как сама собой разумеющаяся ее внутренняя монотонность. Это страшный подвох. Ибо здесь кроется опасность (тем более громадная, что она пока как следует не осознана) расползания по свету в качестве альтернативы рынку уже начавшихся местами попыток реставрации “социалистического рая”. Развитый мир обязан во избежание тоталитарного реванша найти или выработать в рамках свободной социально-экономической системы разные (но каждый по-своему притягательный) варианты, способные на равных состязаться между собой.

Увы, именно в сфере столь востребованных ныне идей мировых лидеров подстерегает **четвертый** кризис – философии. В лучшем случае вся реформа капитализма сводится к ритуальному подтверждению банальнейшего неприятия его англосаксонской модели, в худшем – пестуется социализм (ср. [May, 2009, с. 174–175]), подталкивая планету к новой катастрофе.

Пятый кризис – действий – напрямую вытекает из предыдущих. Поскольку парадигмы идущего кризиса никто не понимает, то и меры принимаются такие, какие могли бы помочь при прежних, а не новых потрясениях. Сами по себе усиление государственного надзора над соблюдением правил рыночных отношений, расширение числа мировых и/или региональных резервных валют и финансовых центров, пере-

распределение квот и голосов в МВФ и т.п., возможно, и нужны. Проблема в том, что все эти шаги не имеют прямого отношения к текущим кризисным обстоятельствам. А потому недостаточность применения в них как уже доказавших ранее свою эффективность механизмов регулирования, так и выработки следующих прежней логике новых, остается под вопросом (ср. [Энтоу, 2009^a]). То есть, все делается, вроде бы, правильно, но для лечения другой болезни.

Между тем перед человечеством стоят совсем не рядовые вызовы. Первый из них заключается в следующем – проявит ли капитализм способность к интенсивному развитию? Вопрос звучит парадоксально, поскольку все привыкли почти отождествлять два эти явления. На поверку же выходит, что такая связь в рамках капиталистического пути справедлива только применительно к техническому прогрессу. А вот сама форма экономического поведения, известная как капитализм, в то же самое время развивалась исключительно экстенсивно. Она не более чем осваивала новые рынки теми же методами, что были опробованы на старых уже в период самого ее возникновения, и в настоящий момент достигла географических границ своего механического распространения. Остаются, конечно, беднейшие страны Азии и Африки и возможности движения вглубь многомиллиардных обществ Индии и Китая. Но с одной стороны, их освоение требует колоссальных вложений, которые никого, кроме небезопасного для Запада Китая и арабов, не вдохновляют, с другой – это будет всего лишь продолжением того же экстенсивного пути.

Точно той же логике следовали и отказ, в несколько этапов, от золотого стандарта, и так называемые новые финансовые технологии. Периодически возникающие *новинки*, вроде деривативов, *были инструментами*, способ же их обращения (“технология”) оставался *прежним*, как в популярной книге Т. Драйзера “Финансист”, в которой описаны события полуторавековой давности. Широко обсуждаемое – от У. Чавеса, Ю. Лужкова, альтерглобалистов и объединенных левых в Европарламенте до президентов Н. Саркози и Д. Медведева – “обновление” капитализма при помощи усиления государственного регулирования экономики и накачки ее ликвидностью никак не может быть признана его реформой. Это только очередная (более мягкая и краткосрочная на Западе и рискующая стать в России жесткой и долговременной) реинкарнация социализма (ср. [Мау, 2009, с. 175, 180]).

Если надежды на возможность качественного роста капитализма не беспочвенны, то его предпосылкой должно стать общее понимание того, что на мир нельзя более смотреть, как на банальное сырье для своей деятельности или как на в прямом смысле театральную сцену, где идет игра интересов виртуальных персонажей. Он, действительно, стал нашим общим и очень компактным домом, и вести себя в нем надо соответственно.

При соблюдении этих оговорок некоторые параметры интенсивного развития рыночной экономики видятся такими:

- принять новую реальность с меньшими скоростями усвоения материальных благ и куда более скромными темпами обращения финансовых инструментов, допускающими хотя бы частичный возврат к “мягкому” золотому стандарту в виде возникновения в будущем наднациональной мировой резервной валюты, ориентированной на запасы драгоценных металлов и т.п., где не доминирует *общество* потребления, как норму и научиться в ней жить;

- создать условия, при которых банки берут ответственность за сомнительные кредиты на себя и не станут покрывать свои убытки за счет бюджета и иных секторов экономики, а размещение IPO не будет использоваться исключительно как средство привлечения “длинных” денег;

- обеспечить прозрачность деятельности бизнеса и исключить из его практики выплату менеджменту вознаграждений, стимулирующих проведение рискованных операций;

- минимизировать практики фьючерсных торгов, а возможно, и постепенно отказаться от них;

– разработать для мировой экономики систему раннего предупреждения о рисках.

Следующий, непосредственно связанный с последним из вышеперечисленных пунктов, вызов звучит так: сможет ли экономическая наука выйти из зачаточного, дескриптивного состояния, где нет согласия даже по прошедшим событиям, и прийти, как это случилось с ботаникой и зоологией, выросшими в биологию, к работающим теориям? “Теория экономического цикла развивается практически уже около двух столетий. Но никогда и никому ни один из кризисов предсказать не удалось” [Энтов, 2009^a, с. 6].

Третий вызов принадлежит Китаю: станет ли он главным бенефициаром кризиса или погрузится из-за него в хаос (ср. [Роланд, 2009]). Любой исход окажет самое глубокое влияние на ситуацию в мире в целом. Уже сейчас Пекин через систему парткомов на работающих в Поднебесной иностранных предприятиях знает все о движении их сделок и финансов. А характер его поведения с начала кризиса не оставляет сомнения в его долгосрочных намерениях. Он открыто заявляет, что не собирается никому помогать (300 тыс. работающих в Китае западных фирм уже рухнули) или делиться с кем-либо своими резервами, предпринимает атаку на доллар и, опираясь на непонятно на что рассчитывающую Москву, требует реформы МВФ и уверенно продвигается к превращению юаня в резервную валюту, заодно, наряду с арабами Залива, оптом скупая недра и земли Африки. Если все сложится для него удачно, это будет не просто возврат к ситуации, которая в последний раз была в XVII в., когда Восток, а не Запад лидировал в техническом отношении. Китай еще получит и все шансы превратиться в диктатора планетарного масштаба. В противном случае – падая – он вполне способен, благодаря имеющейся у него информации и инерции, утянуть за собой развитые государства.

Самое плохое состоит в том, что в России все названные выше переплетающиеся кризисы и вызовы наложились на ряд резко обострившихся внутренних недугов, которые принципиально усугубляют картину затронувшей нас общечеловеческой болезни. Привнесенные извне моменты, конечно, ускорили переживаемые российским обществом потрясения, однако, и без внешних факторов они были неизбежны.

Во-первых, страна переживает кризис, конечно, рыночной, но не либеральной, в отличие от развитых наций, а сверхгосударственной и сверхмонополизированной экономики. Так, если в мире в среднем расходы на транспортировку в экспортной цене товара составляют не более 7–8%, то в отечественной, из-за монопольного положения, например, РЖД, – 30–40%. Что касается внутренней торговли, то сейчас высокие накладные расходы, и прежде лежавшие тяжким бременем на поставках, просто разрушают логистику. Точно так же усилилось угнетающее действие энергетических тарифов на внутренних поставщиков продовольствия и другие конкурентоспособные, в том числе экспортоориентированные, отрасли, вроде нефтехимии.

Во-вторых, все агенты реального сектора экономики прогнозировали на конец 2009 г. серьезные проблемы в своей сфере из-за того, что запас прочности материальной базы, унаследованной от советского прошлого, исчерпан, а ничего сопоставимого с ней с тех пор создано не было. Обострение этих проблем может совпасть с волной невозврата кредитов банкам, которая накроет их уже в третьем квартале, что создаст эффект мощного кумулятивного удара по всей активности.

В-третьих, государство, будучи регулятором рынка, одновременно является (в том числе из-за гипертрофированной системы госмонополий и госкорпораций) активным его игроком. Это создает на нем нездоровую обстановку, в которой фактически игнорируются подлинные нужды не только потребителей, но и огромного числа производителей разного рода благ. Продолжается активный вывоз зерна, молока, сыра, хотя значительная часть их номенклатуры встречным потоком импортируется, почему и внутренние цены на них продолжают расти при тревожном для будущего страны падении доходов и потребления граждан. Газпром затевает все новые и новые экспортные проекты, когда совершенно ясно, что собственную промышленность и ЖКХ

ожидает скорый и острый дефицит газа, не говоря уже о позорной для нас статистике негазифицированности домашних хозяйств.

При помощи налоговых и тарифных инструментов усиливается давление на бизнес, что ведет к ускорению бегства капитала. В то же время, например, ВАЗ имел все шансы повысить конкурентоспособность за счет радикального удешевления продукции, освободив завод от непрофильных активов и криминального контроля: не только сохранить, но и увеличить производство и количество рабочих мест, решая тем самым важную социальную задачу. Но через аффилированные интересы было пролоббировано повышение пошлин на ввоз подержанных иномарок, что попутно уничтожает целый сегмент автомобильного рынка.

Одновременно иные импортеры вкупе с таможеней получают беспрепятственный доступ к сверхприбылям. Взлет потребительских цен в России (вопреки общемировой тенденции, где они падают вслед за обвалом спроса) обосновывается(!?) ростом курса доллара и евро по отношению к рублю, а также якобы большой импортной составляющей в отечественном производстве и торговле (в США, где цены скатились вниз, этот показатель, кстати, намного выше – 80%). И поднимают цены даже на те товары – от цветов и автомобилей до электроники всех видов и комплектующих, которые в странах-экспортерах подешевели в два–пять раз. Между тем при таком разрыве между стоимостью импорта и курсовой разницей (на пике января–февраля 2009 г. бивалютная корзина подорожала в рублях всего на 40% и с тех пор дешевеет) его покупная цена с учетом доставки и таможенного оформления – должна была бы снизиться, но не вырасти от 50% до двух и более раз.

Стремящееся к тотальному перераспределению правительство объясняет высокие розничные цены на топливо и горюче-смазочные материалы необходимостью изъятия через налоги с соответствующих корпораций средств, потребных бюджету для выполнения его обязательств перед социально уязвимыми слоями. Лукавство здесь настолько простоушно, что любой пенсионер знает: для него важнее ценовая стабильность, но она нарушается топливной составляющей в тех самых ценах, от которых его “спасают” через повышение социальных выплат. Но порочный круг незыблем.

Приходится констатировать, что власти борются в основном не с тем кризисом. Вслед за странами ОЭСР они еще более усиливают нелиберальные меры в сверхмонополизированной экономике, что ведет к результатам, обратным как общественным, так и властным интересам. В результате наши правители теряют позиции – как у себя дома, так и за рубежом. Если кого-то, действительно, интересует истинный рейтинг доверия к российской власти, лидерам и т.п., то достаточно посмотреть на курс национальной валюты и ценовую динамику. Рубль показывает явное недоверие граждан к нему самому, а также к текущей денежной и – шире – финансовой политике. Нынешняя ситуация обусловлена, кроме уже названных, еще четырьмя обстоятельствами.

Первое. Пришедший на смену большевистскому либеральный догматизм диктует не менее опасную, чем советская, политику. Либерал-догматики слишком прямолинейно и узко понимают монетаризм. Они почти гиперболизируют инфляционную составляющую потребительского кредита, а потому преувеличивают роль сокращения числа кредитов, используемых для приобретения дорогих товаров, в то же время излишне пренебрегая вкладом в инфляцию эффекта роста цен на продукты повседневного спроса. Они не хотят признавать, что передавленный ради борьбы с инфляцией показатель M2, иначе говоря – слишком дорогие и дефицитные деньги, сами становятся могучим мотором раскручивания инфляционной спирали, они не желают ничего слышать о ее немонетарных факторах (тарифах и т.п.), либо делают запоздалые и половинчатые выводы.

Второе. Выдача банкам исключительно коротких кредитов сама провоцирует девальвацию, поскольку их своевременный возврат, с учетом прибыли заемщика, возможен лишь путем их быстрого оборота через операции с иностранной валютой, которая, поэтому, растет в цене.

Третье. Плавное снижение курса рубля на фоне очевидного всем и даже открыто декларируемого властями непонимания сути происходящего и трат финансовой ад-

министрацией золотовалютных резервов ведет к падению доверия и к национальной валюте, и к отечественным политикам как внутри страны, так и за ее пределами.

Четвертое. Либеральный догматизм финансистов сочетается с антилиберальным догматизмом силового клана в правительстве, что приводит к мультипликации негативных последствий такого тандема. Поскольку присутствие государства на рынке в качестве ведущего игрока, господство "естественных" и прочих монополий, терроризирование налоговыми службами бизнеса завышенными требованиями к предоставлению им документации, уничтожение всем этим независимых поставщиков продукции и разрушение логистики, сами по себе постоянно разогревают инфляцию.

Если так будет продолжаться еще какое-то время, то, скорее всего, Россию ждут жестокая стагфляция и выход из кризиса в последнюю очередь среди ей подобных, а то и переход в разряд рушащихся наций. Неадекватность нашей политики реальным вызовам лучше всего показывают попытки в обозримом будущем вырастить из рубля резервную валюту и создать в Москве международный финансово-расчетный центр: присутствие страны в мировом обороте товаров, денег, информации и инноваций настолько мало, что данные устремления, если не случатся радикальные перемены, не имеют никакой практической перспективы в ближайшие десятилетия.

Каркас новой мировой архитектуры

Как следует из вышесказанного, судьба страны в очередной раз оказывается в наших руках. Поведение России на международной арене должно учитывать как названные выше особенности глобальных потрясений и их национальных осложнений, так и то обстоятельство, что на свете нет ничего раз и навсегда предопределенного. То, что вчера было жестким ограничением, сегодня может стать шансом. Чтобы его достичь, нужны активные конструктивные действия.

Нельзя полагаться на то, что существовавшая до самого последнего времени тенденция резкой смены структуры мирового ВВП сама выведет нас куда надо. Конечно, ежели кризис ее не перечеркнет, то к 2020 г. совокупный объем ВВП стран группы БРИК превзойдет аналогичный показатель G7. Однако такая перспектива не устраивает США, а они пока достаточно сильны, чтобы препятствовать ее реализации путем сдерживания России, в том числе с опорой на Пекин.

Впрочем, это не мешает Вашингтону видеть и китайскую угрозу. Он уже 10 лет обеспокоен экспансией китайских компаний на американском рынке, хищением ими технологий, их влиянием на распространение оружия массового уничтожения, возможностью привлечения ими средств с финансового рынка США для обеспечения военных и гражданских расходов китайского правительства. Американская экономика не в состоянии преодолеть тенденцию к росту отрицательного торгового баланса с Китаем, а администрация не способна заставить ревальвировать юань по отношению к доллару. В результате еще прошлого валютно-финансового кризиса ключевые азиатские союзники Штатов были вынуждены сократить собственные расходы на оборону и ограничить возможности на использование их территорий и военных инфраструктур. А Китай в тот же период продолжил развивать флот и ВВС, чем усилил свои военные позиции в Азиатско-Тихоокеанском регионе, стал стремиться к контролю над всем Южно-Китайским морем и теснить транснациональные компании в Африке и Азии. Чем для нас не причина найти взаимопонимание с Америкой?

Ведь промышленный, технологический, научный, военный рост Китая вкупе с его демографическим потенциалом, нездоровым интересом к русским военным НИОКР и постоянно возникающими в официозных изданиях территориальными претензиями несет явную опасность и для России. Чтобы состоялся наш взаимовыгодный стратегический союз с США, который лишь побудил бы Поднебесную больше уважать ее дружеские отношения с Москвой, только этих, единых для нас и США интересов, уже вполне достаточно. Но, мало того, у нас с ними есть еще и большой потенциал совместных проектов в Латинской Америке, Африке, АТР, Европе, на Большом Ближнем

Востоке, в энергетике, экономике, безопасности, на морях. Разработка недр Аляски, конкуренция с Китаем южнее Сахары, энергопоставки в Америку, технологии, борьба с пиратством у берегов Африки и в Южно-Китайском море, кооперация в арабском и исламском мире, проблемы с базами ВМС на Тихом океане явно требуют коренного пересмотра стиля двусторонних отношений.

К сожалению, их решительному прогрессу мешает всего один, но зато очень существенный и тоже объединяющий нас, недостаток. Обе стороны понимают стратегический союз как полное следование одной стороны другой в фарватере своих интересов. США пытаются принудить к этому Россию, подвергая санкциям Газпром, Татнефть, Росатом и технологические бюро, возводя препоны бизнесу на входе на американский рынок, интригуя на Украине и в Грузии, играя на нервах с ПРО и НАТО и т.п. Мы делаем то же самое со Штатами, когда проводим маневры дальней авиации в Карибском бассейне и посылаем корабли в Атлантику, Средиземноморье и Венесуэлу, признаем независимость Абхазии и Южной Осетии, объединяем ПРО с Белоруссией и проч.

Между тем и нам, и им пора понять, что в условиях кризиса *заставляет* друг друга дружить *слишком накладно*. И наоборот, *обеим странам* экономически и политически *выгодно*, не отказываясь от глубокого сотрудничества с Китаем, сдерживать его *совместно*. Давно пришла пора осознать стоящую перед нами солидарную ответственность за судьбы мира, найти взаимоприемлемое решение и перейти к реализации стратегического союза. Тогда можно будет достичь столь насущного углубления взаимодействия в рамках G8 и G20, а в дальнейшем и институционализировать в него уравнивающие пропорции мирового ВВП группы РАБИ (Россия–Америка–Бразилия–Индия), БРИК и РАЕК (Россия–Америка–Европа–Китай). Убежден, что все они должны со временем превратиться в полноценные международные организации степени кооперации не ниже модели АСЕАН. Их важнейшей задачей станет устранение диспропорций между трансакциями на международном финансовом рынке и денежными операциями, обслуживающими трансграничные торговые сделки. Одним из ключевых элементов новой конструкции должна стать группа РАЕК. Ради большей устойчивости ее следует укрепить сотрудничеством в формате перекрещивающихся трехсторонних (Россия–ЕС–США, Россия–ЕС–Китай, США–Китай–ЕС, Россия–Китай–США) и двусторонних связей.

Что касается безопасности в традиционном смысле, то если будут воплощены предыдущие рекомендации, более сбалансированный и предсказуемый мир сможет опереться на первом этапе на ориентированную на их последующее слияние высокую интеграцию систем НАТО и ОДКБ, а также на консолидацию союзов России на постсоветском пространстве, в том числе с участием внешних по отношению к СНГ игроков, например в рамках взаимодействия в структурах типа ШОС.

Основные направления обеспечения внешней политики

Полагаю, что перечисленные выше эскизы вполне могут быть превращены в реальные планы практически незамедлительно. Дабы так и случилось, отвечающим за формулирование внешнеполитической линии и ее проведение нужно прежде всего следовать актуальному пониманию главных факторов, формирующих успешную внешнюю политику, и предпринять действия, соответствующие этому видению.

К счастью, здесь нет ничего неизведанного, ибо всем доступен опыт наций, уже представленных мировыми державами. И он показывает, что в современных условиях в достижении и удержании ведущих международных позиций наиболее эффективен инструментарий “мягкой силы”. Это привлекательность социальной модели и культуры, возможность и умение пользоваться в продвижении своих интересов во внешнем мире экономическими средствами. Обязательное условие тут – лидерование в передовых секторах глобальной экономики, из чего вытекают обладание и резервной валютой, и крупным финансовым и расчетным центром, и авторитетом в международных экономических организациях, и деноминация ценных бумаг на мировых рынках в национальной валюте, и кодификация и детальный механизм применения экономического сопровождения внешней политики.

Не менее очевидно, что добиться данных показателей можно, лишь гармонично развивая все стороны жизни общества. В конкретном же случае Российской Федерации на первое место выдвигается комплекс трех стержневых элементов – экономики, обороны и демографии.

В свою очередь, пример развитых демократий доказывает, что выработка опережающих стратегий лучше всего удается, когда она опирается на сеть, обеспечивающую конкуренцию проектов: как независимых, так и связанных с теми или иными партиями экспертных институтов. Такой путь предполагает прохождение программ через чистилище выборов, и использование у нас уже проверенных другими механизмов. Ниже, в качестве первого шага к построению в нашем обществе соответствующих структур, предлагаю в копилку возможных будущих дискуссий некоторые представляющиеся мне принципиальными тезисы, чья последовательность отвечает выделенным выше центральным аспектам рассматриваемой проблемы.

Экономика и общество. Прежде всего критическое значение для проведения Россией успешной внешнеполитической линии имеет *объем ее экономики*. Малые и/или слабые экономические агенты беспомощны в мировой конкуренции. Экономические инструменты внешней политики также доступны только экономическим гигантам – наиболее мощным государствам либо их крупным коалициям. Бросая отечеству могучий вызов, глобальный кризис одновременно открывает перед ним перспективу расширения влияния. Поскольку мировая депрессия сдерживает спрос на энергоносители и цены на них, на повестку дня встает благотворная задача диверсификации экономики. Трудности же с привлечением зарубежных кредитов должны заставить правительство сократить расходы на обеспечение деятельности государственных корпораций и демонополизировать внутренний рынок.

Одновременно важно принять *закон о реституции собственности*, конфискованной в результате Октябрьского переворота. Это покажет уважение нынешнего режима к правам собственника и создаст базу для притока средств состоятельных потомков первой эмиграции и стимул для других крупных иностранных инвесторов.

В условиях “охлаждения” мировой экономики возникшая у ряда ее ведущих игроков идея вернуть в том или ином виде *золотой стандарт* России достаточно выгодна. У нас для этого довольно надежных аргументов: как драгоценных металлов и алмазов и их суверенных хранилищ, так и эмпирических фактов из прошлого. Кроме того, основанная на золоте финансовая система не очень зависит от отдельных политических решений, что выглядит крайне актуально в контексте оздоровления мировых финансов.

Не менее важно нашим властям осознать, что авторитет страны в среде развитых государств им не утвердить, если *благополучие собственных граждан* не станет для них превыше всего. Нельзя продвигать проекты Северного и Южного потоков в ущерб интересам собственной энергетики, промышленности и ЖКХ, над которыми нависла угроза дефицита газа. Кредитование других стран и скупка, даже частными инвесторами, бизнесов за рубежом в ходе кризиса тоже допустимы лишь ради развития своего хозяйства, роста рынка труда и доходов семейств и бюджета в России.

По той же причине сгубой осторожности требует использование средств бюджета в качестве инструмента “мягкой силы” за рубежом, даже, если это оправдано геополитически. В тех случаях, когда речь идет о *помощи*, оказывать ее следует через частные филантропические организации, развивая тем самым этот ключевой институт гражданского общества и дополнительный канал влияния во внешнем мире.

Еще одну уникальную перспективу дарит нам *доминирование* в современном прогрессе *инноваций*. Благодаря решающей роли интеллектуального лидерства в наращивании “мягкой силы”, развитие фундаментальной науки и образования должно на деле стать первейшим приоритетом правительства.

Кроме того, обеспечить себе дополнительное спокойное время для реформ и влияния Россия может, превратившись в *транспортное сердце мира*, которому нужны новые многопрофильные логистические узлы. Уже складывается коридор Дальний Восток–Санкт-Петербург с выходом на Северную Европу. Образую перекресток, его

надо дополнить, на базе Ростовско-Таганрогского (с ответвлением на Новороссийск) комплекса, расположенного вблизи Черноморского трубопроводного терминала, мощным авиа-авто-железнодорожно-речным-морским центром логистики, ориентированным на Ближний Восток, Турцию, Балканы, юг Центральной и Южную Европу, Северную Африку. Насытить и закольцевать весь этот экономический район развитой транспортной инфраструктурой и полным веером решений социальных проблем и предоставления услуг гражданам. Похожую схему следует применить и к Владивостоку, с его ориентацией на Азиатско-Тихоокеанский регион, и к Мурманску, обращенному к Скандинавии, Британии и восточному побережью США и Канады, Латинской Америке, Кубе. Надо развивать по всем направлениям и традиционные северные ворота, Архангельск, и маршрут Чукотка–Аляска. Состыковать нитки железных дорог в Средней Азии с веткой, которую туда тянет Китай. Астрахани тоже предстоит превратиться в центр перевалки грузов, ориентированный на рост поставок в страны Южной Азии, Залива, Аравии и Африки из России и транзита из Скандинавии, Финляндии, Прибалтики, Белоруссии, ЕС, Украины, Средней Азии, Казахстана и (через Мурманск) США и Канады. Реализация таких планов РЖД и Минтрансом кардинально повысит геополитический статус России и сцементирует нашу территорию.

Завершенность перекрестку коммуникаций придадут информационные технологии. Следует увеличить число соединенных между собою суперкомпьютеров. Затем объединить их грид-трассы (вычислительные сети) с существующими в мире, параллельно обычным транспортным коридорам из Северной Америки, ЕС и Скандинавии в Азию и из Китая, Японии и Кореи в Европу, на Ближний Восток и в Африку.

Нельзя забывать и об *экологических факторах*, которые при грамотной перестройке нашей экономики способны стать одним из ее важнейших конкурентных преимуществ в мире. В частности, не будем забывать, что наша страна, помимо прочего, остается “легкими” северного полушария планеты, обладает огромными запасами пресной воды. Грамотное использование только этих ресурсов способно поставить нашу страну в уникальное положение уже в ближайшие десятилетия.

Наконец, задача продвижения благоприятного образа страны за рубежом позволяет, после перевода бывших нацпроектов в федеральные целевые программы, выдвинуть вместо них единственный общенациональный проект – “*Культура*”, реализуя его в двуедином формате. Его внутренняя сторона должна быть направлена на ознакомление иностранных туристов с культурным богатством не только нескольких обычных маршрутов, а всех субъектов Российской Федерации. Внешняя – на его презентацию через культурные акции и сеть многопрофильных региональных научно-исследовательских и просветительских центров – русских школ – по всему миру.

При этом туризм (как отечественный, так и иностранный) обеспечит эффективность внутреннего формата. Ибо для развития индустрии путешествий нужны строительство транспортной инфраструктуры и наладка всей сервисной сферы (гостиницы, питание, медицина, заправки, автосервисы, торговля, спорт, народные промыслы и т.п.). А это вытягивает за собой рост сельскохозяйственного производства, перерабатывающей промышленности, строительства и образовательных учреждений для подготовки и закрепления всех необходимых для обслуживания туризма кадров в удаленных от мегаполисов районах расположения большинства природных и культурных объектов. Это, помимо прочего, благоприятствует воспитанию здорового патриотизма, решению проблем демографии и удержания территории, а значит, опять-таки, созданию атмосферы открытости, надежности и стабильности – одного из главных факторов “мягкой силы”. Таким образом, как доказано мировым опытом, культура станет еще и локомотивом реального сектора экономики.

Оборона. Так как внешнеполитическая линия всегда и везде неразрывно связана с оборонной стратегией, правильное определение приоритетов последней приобретает первостепенное значение. Главные военные вызовы миру имеют сложную конфигурацию и исходят одновременно с разных сторон. Во-первых, это Китай с его непрозрачной политикой, чьи миролюбивые декларации – и в контексте его знаме-

нитых стратегах, и значения наличия стратегического мышления для его руководителей – никого не должны обманывать. Выросший и продолжающий быстро развиваться как в организационном, так и в технологическом отношении, военный потенциал нашего соседа, его успехи в космосе и т.п. заставляют нас быть внимательнее не только к качеству своего технологического развития, но и к наращиванию Пекином военных мощностей на наших южных рубежах, где с нашей стороны нет ни адекватной им оборонительной и наступательной инфраструктуры, ни демографического резерва.

Поэтому правильная реакция на такое положение вещей предполагает несколько принципиальных и неотложных ответов. Первостепенное значение имеет основной упор в развертывании ВПК и военного потенциала страны в целом как и в экономике вообще на НИОКР, опирающиеся на фундаментальные образование и исследования. Ради ускорения отдачи на этом направлении к нему должны быть шире допущены частные компании, для чего нужно – тщательно, синхронно и с опережением! – выстроить нормативную базу приватизации предприятий оборонного комплекса и парламентского контроля над их деятельностью.

Не менее важно, чтобы Россия и США создали общее командование и базирование своих флотов в Азиатско-Тихоокеанском регионе, например на Дальнем Востоке. Обе нации решат этим проблему приближения к коммуникациям, на контроль над которыми, в частности в Южно-Китайском море, претендует Китай. В том же пакете следует предусмотреть снятие препятствий к развитию существующих отечественных военно-морских баз в Крыму и Сирии, возвращение на ранее покинутые во Вьетнаме и на Кубе и (в меру ресурсов) создание новых в Тунисе, Марокко, Венесуэле, на Адриатике, в Индийском океане, а возможно, и в иных регионах. Такой подход облегчит также наращивание российского военного присутствия на постсоветском пространстве, смягчение обстановки на Южном Кавказе и столь существенное для укрепления мировой стабильности и элиминирования нижеследующей группы рисков переплетение систем безопасности с НАТО и подчинение их единому командному центру – и поставит наши отношения с КНР на более сбалансированную основу.

Во-вторых, колоссальную угрозу представляют собой деградирующие государства Азии и Африки, за которыми (Пакистан, Непал, Бирма и др.), так же как за Ираном, стоит тот же Китай. Отдельную проблему тут представляет собой доступность для них современных технологий и уязвимость для их вероятных атак высокотехнологичных видов вооружений, объектов энергетики и центров управления войсками.

Демография. В свою очередь, задачи внешней и оборонной политики не будут достигнуты без качественного перелома сложившейся в России демографической ситуации. К сожалению, как говорит опыт Западной Европы и Северной Америки, принимающиеся до сих пор меры к ее стабилизации и выходу на демографический рост необходимы, полезны, но недостаточны.

На примере развитых наций ясно, что без демонополизации экономики, интенсивного и реального поощрения развития малого и среднего бизнеса, превращения его в основу благосостояния большинства семей, снижения административного и коррупционного давления демографическую проблему не решить. Наоборот, экспансия сектора, как расширяющего на рынке труда сегмент высокооплачиваемой частичной и надомной занятости, так и активно стимулирующего превращение творческого потенциала личности, который в высшей степени присущ “слабому” полу, и культуры в основные ресурсы экономического роста позволяет многим женщинам удачно совмещать работу с рождением и воспитанием детей.

Но одних материальных мотивов для принципиального повышения и удержания уровня рождаемости мало. Не меньшее значение здесь имеет психологический фактор. Сказанное легко подтвердить на опыте Израиля, живущего, как и Россия, в условиях внешнего демографического давления. Вспомним и проблемы с мигрантами, с одной стороны, и низкой рождаемостью – с другой, потрясающие современную Францию; вплотную к опасному порогу подходит и Германия.

С одной стороны, уже упоминавшееся обладание высоким уровнем экономических и политических свобод ставит в этих странах на твердую почву сопричастность большей части граждан общегосударственным интересам, что создает благоприятный фон для планирования семьи в сторону ее увеличения. Наличие ответственного гражданского общества оказывается, тем самым, важным показателем в контексте рождаемости. С другой стороны, сама социальная атмосфера настроена там на поощрение большого числа детей у каждой пары. Быть многодетной семьей престижно, без этого успех мужчин и женщин принято считать неполным, едва ли не ущербным, жизнь их скучной и лишенной серьезного внутреннего смысла. Поскольку же абсолютное большинство людей крайне чувствительно к общественному мнению, недооценивать необходимость формирования подобных установок никак нельзя.

Сопровождение стратегии лидерства

Наконец, мало поставить себе цель вывести Россию в число наиболее влиятельных глобальных игроков и предпринимать положительные шаги для того, чтобы она была признана в таковом качестве. Столь же важно создать и поддерживать на мировой арене благоприятное отношение к данной работе, которое развивалось бы вместе с нею на всем ее протяжении.

Думается, речь тут должна идти прежде всего о следующих направлениях. Во-первых, по-прежнему актуальна очистка международных отношений от отравляющей их идеологии “холодной войны”. Кремль чаще заботит мотивируемое ею отношение Запада к нашему отечеству. Но не менее недопустимы набирающие силу у нашей власти настроения осажденной крепости. Конечно, нелепые зачастую недоверие и обвинения в адрес Москвы не просто вызывают законную досаду, тормозят продвижение к намеченным ею ориентирам, они еще и мешают выработке адекватной новым обстоятельствам, особенно в условиях кризиса, согласованной политики в рамках G8 и G20, двусторонних связей с Европой и Америкой и т.д. Однако болезненная подозрительность и растущие из нее всевозможные фобии, свойственные современному русскому обществу, есть, в свою очередь, признак его фатальной слабости, не преодолев которую, Родине придется навсегда забыть не только о вхождении в группу лидеров, но и о доброжелательном к себе отношении. И это тогда, когда Пекин уже заявил, что он единственный способен спасти мировую экономику от постигшей ее напасти.

Во-вторых, понятной, уважаемой вовне и содействующей достижению наших стратегических установок альтернативой заскорузлым идеологическим штампам может быть лишь здоровый гражданский патриотизм. Для его возникновения крайне важно качество среды, окружающей человека с момента рождения. Она должна быть комфортной и красивой. Ведь отчизну учатся любить через то, что близко и понятно с детства – чувство сопричастности и сопереживания всей стране постепенно вырастает из гордости своим домом, двором, улицей, кварталом, районом, областью. Поэтому трепетное обращение власти и общества с памятниками истории, культуры и природы имеет критическое значение: в таком случае тому же можно обучить и юношество, всегда тянущееся к прекрасному. Недопустимо, чтобы снос объектов культуры и природы был рентабельнее их восстановления. Наоборот, надо всеми средствами стимулировать инвестиции всех видов в их реставрацию, охрану и музеефикацию. Когда культура станет контрапунктом образования и патриотического воспитания, когда в массовом сознании будет восстановлено исконное понимание принадлежности к русскому народу не по этническому, а по культурному признаку, это и будет лучшим доказательством нашей цивилизованности и права на лидерство. Заодно будет положен предел убивающему национальную солидарность образовательному сепаратизму.

В-третьих, важнейшим условием, сопутствующим закреплению России на достойных ее позициях, является развитие в ней негосударственных СМИ. Так сложилось, что мировое общественное мнение привыкло воспринимать отражаемую *ими* действи-

тельность и не доверять СМИ, контролируемым правительствами. Лишь доминирование независимых российских СМИ в состоянии обеспечить благожелательный фон нашим даже самым благородным внешнеполитическим усилиям.

В-четвертых, ключи от огромного и никак не используемого пока потенциала поддержки России держит в своих руках наша, одна из самых многочисленных в мире, диаспора. Многие представители разных ее волн, не теряя русского самосознания и/или языка, живут за границей поколениями, хорошо интегрировались в зарубежные общества, добились там успеха, пользуются влиянием. Дабы этот ресурс заработал, нужно ровно то, о чем было сказано выше: чтобы такие люди убедились, что деидеологизация международных связей, уважение собственности и свободы СМИ, деятельная забота о сохранении культурных традиций и превалирование интересов своих граждан над абстрактными геополитическими конструкциями стала нормой жизни общества и повседневной практикой властей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Афонцев А.В. Мировой кризис: кто виноват? Доклад на семинаре “Проблемы переходной экономики” в ГУ-ВШЭ 29 апреля 2009 г.

Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, 2000.

Вьюгин О.В. Макроэкономические причины возникновения мирового финансового кризиса. Доклад на X международной научной конференции ГУ-ВШЭ по проблемам развития экономики и общества 8 апреля 2009 г.

Гавриленков Е.Е. Сценарные прогнозы развития российской экономики. Доклад на X международной конференции ГУ-ВШЭ по проблемам экономики и общества 8 апреля 2009 г.

Гайдар Е.Т. Доклад на презентации книги “Финансовый кризис в России и мире” в Российской государственной библиотеке 31 марта 2009 г.

Горелов А.А. Концепции современного естествознания. М., 2008.

Греф Г.О. Доклад на X международной научной конференции ГУ-ВШЭ по проблемам развития экономики и общества 8 апреля 2009 г.

Данилин О. Системный мировой кризис: изменение социально-экономической формации и структуры международных отношений. Доклад на X международной научной конференции ГУ-ВШЭ по проблемам развития экономики и общества 9 апреля 2009 г.

Маскин Э.С. Конструирование экономических механизмов. М., 2009.

Мау В.А. Особенности, причины и возможные последствия текущего экономического кризиса // Финансовый кризис в России и мире. М., 2009.

Перкинс Дж. Исповедь экономического убийцы. М., 2007.

Прологомены к антропологии мирового кризиса. М., 2009.

Роланд К. Доклад на X международной научной конференции ГУ-ВШЭ по проблемам развития экономики и общества 7 апреля 2009 г.

Уоррен Б. Почему лидеры не могут руководить. М., 1999.

Хайек Ф.-А. фон Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разумом. М., 2003.

Шелов-Коведяев Ф.В. Введение в культурную антропологию. М., 2005⁶.

Шелов-Коведяев Ф.В. Какая экономика нам нужна? // Мир России, 2005^а. № 1.

Энтов Р.М. Некоторые проблемы исследования деловых циклов // Финансовый кризис в России и мире. М., 2009^а.

Энтов Р.М. Доклад на презентации книги “Финансовый кризис в России и мире” в Российской государственной библиотеке 31 марта 2009 г.

Ясин Е.Г., Снеговая М.В. Тектонические сдвиги в мировой экономике: что скажет фактор культуры. М., 2009.